

Научная статья
УДК 332.13
doi:10.37614/2220-802X.3.2023.81.002

ГДЕ В АРКТИКЕ ЛУЧШИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ?

Александр Николаевич Пилясов^{1,2}, Вячеслав Александрович Цукерман¹

¹Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

pelyasov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2249-9351>

tsukerman@iep.kolasc.net.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0844-1180>

Аннотация. Исследовательский вопрос статьи — оценка современных предпосылок для проведения промышленной политики в арктических территориях России усилиями местной и региональной власти. Данная цель потребовала решить методологическую (как оценивать?), аналитическую (частных и интегральных балльных оценок) и прикладную (дифференциации арктических территорий на отзывчивые, нейтральные и консервативные к воздействию мер региональной промышленной политики) задачи. Информационной основой работы стали: показатели региональной/муниципальной статистики; нормативные правовые документы по промышленной политике арктических регионов; материалы ежемесячного мониторинга Арктики Института регионального консалтинга. Для интегральной оценки условий использовалось 17 показателей, сгруппированных в пять блоков: 1) материальных факторов (четыре показателя физических объемов и веса промышленного сектора в региональной экономике); 2) пространственных факторов (четыре показателя степени дисперсности/концентрированности мест размещения региональной промышленности); 3) технологических факторов (три показателя степени готовности арктической территории к пятому технологическому укладу); 4) институциональных факторов (три показателя оценки слоя основных акторов промышленной деятельности, эффективности производственных партнерств и созданных региональных институтов промышленной политики); 5) природно-ресурсных факторов (три показателя качественной оценки ключевых ресурсов территории). В результате суммирования частных оценок по пяти блокам (которые были получены как среднее арифметическое нормированных балльных оценок показателей) отчетливо обозначаются четыре группы регионов: первая — Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярская Арктика — имеют самые благоприятные предпосылки развертывания мер новой промышленной политики; вторая — старопромышленная Мурманская область и арктические территории Архангельской области — относительно благоприятные; третья — Ненецкий и Чукотский автономные округа и арктические территории Республики Коми — не слишком благоприятные; четвертая — арктические территории Республики Саха (Якутия) и Республики Карелия — замыкает рейтинг как пока самая неблагоприятная по условиям реализации мер региональной промышленной политики.

Ключевые слова: оценка условий для мер промышленной политики, количественные и качественные оценки, интегральная оценка в баллах, группы арктических регионов по благоприятности условий

Для цитирования: Пилясов А. Н., Цукерман В. А. Где в Арктике лучшие условия для реализации мер региональной промышленной политики? // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 22–43. <https://doi:10.37614/2220-802X.3.2023.81.002>.

Original article

WHAT REGION IN THE ARCTIC HAS THE BEST CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL INDUSTRIAL POLICY MEASURES?

Alexandr N. Pilyasov^{1,2}, Vyacheslav A. Tsukerman¹

¹Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

pelyasov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2249-9351>

tsukerman@iep.kolasc.net.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0844-1180>

Abstract. This article addresses the research question concerning the assessment of current prerequisites for implementing industrial policy within the Arctic territories of Russia through the efforts of local and regional authorities. The research goal required solving methodological problems, including how to evaluate these prerequisites, analytical problems encompassing individual and integrated scoring, and practical problems such as the differentiation of Arctic territories into responsive,

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

neutral, or conservative regarding regional industrial policy measures. The study is based on regional and municipal statistical indicators, legal documents outlining industrial policy within Arctic regions, and data from the monthly monitoring of the Arctic conducted by the Institute of Regional Consulting. To perform an integrated assessment of the conditions, we employed 17 indicators grouped into five categories: 1) material factors (four indicators reflecting the volume and weight of the industrial sector in the regional economy); 2) spatial factors (four indicators assessing the degree of dispersion or concentration of regional industry locations); 3) technological factors (three indicators measuring the Arctic territory's readiness for the fifth Kondratieff wave); 4) institutional factors (three indicators evaluating the involvement of key actors in industrial activities, the effectiveness of industrial partnerships, and the presence of established regional industrial policy institutions); 5) natural resource factors (three indicators offering a qualitative assessment of the region's key resource assets). Upon integrating individual scores for five categories, which were derived as the arithmetic mean of normalized scores, four distinct groups of regions were identified. The first group, represented by the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (YNAO) and the Krasnoyarsk Arctic, has the most favorable conditions for the deployment of new industrial policy measures. The second group, consisting of the well-established industrial region of Murmansk and the Arctic territories of the Arkhangelsk region, has relatively favorable conditions. The third group, comprising the Nenets Autonomous Okrug, the Chukotka Autonomous Okrug, and the Arctic territories of the Komi Republic, is characterized by less favorable conditions. The fourth group, which includes the Arctic territories of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Republic of Karelia, ranks as the least favorable in terms of implementing regional industrial policy measures.

Keywords: assessment of industrial policy conditions, quantitative and qualitative assessments, integrated scoring, Arctic region categorization

For citation: Pilyasov A. N., Tsukerman V. A. What region in the Arctic has the best conditions for the implementation of regional industrial policy measures? *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 2, pp. 22–43. <https://doi:10.37614/2220-802X.3.2023.81.002>. (In Russ.).

Введение

О региональной промышленной политике (РПП) на Севере и в Арктике написано очень мало, хотя императивность этой темы исключительно велика. Среди немногочисленных исследований в этой области можно отметить лишь статьи В. С. Селина и В. А. Цукермана [1–2].

Справедливости ради следует сказать, что и в самой России мало работ по региональному уровню промышленной политики (как правило, пишут исследователи старопромышленных регионов, которые сталкиваются с острыми вызовами инновационной модернизации активов индустриального времени [3–5]). О федеральном, страновом уровне написано значительно больше.

«Учебниковые» положения региональной экономики четко отграничивают специфику регионального уровня по сравнению со страновым: регион существенно более экономически открыт, чем страна (а арктические регионы, в свою очередь, являются самыми открытыми среди регионов России), поэтому «идеи легче преодолевают улицы и перекрестки, чем моря и континенты» (крылатое выражение известного американского экономико-географа Мэриэнн Фельдман), межрегиональные миграционные, товарные и информационные обмены (в том числе передовыми практиками) играют здесь огромную роль. Степень исходной неравномерности социально-экономического развития регионов нередко выше, чем внутри группы соседствующих стран, ввиду объективных различий в размещении уникальных природных активов, крупных инфраструктурных объектов и экономико-географического положения, поэтому «общим

аршином» проводить промышленную политику невозможно. На местном и региональном уровне при проведении акций промышленной политики необходимо учитывать институциональный контекст, качественные вещи в виде местных обычаев, традиций, социально-культурного капитала, производственных навыков в существенно большей степени, чем на национальном уровне. Наконец, то, что кажется слитным на национальном уровне в виде феномена страновых политических и корпоративных элит, на региональном уровне обособляется в виде отдельных акторов в лице местной власти, корпоративных структур, структур малого и среднего бизнеса, гражданского общества и др.

Обобщая, можем сказать, что регион как открытая система акторов, отношенческих сетей и местных институтов существенно отличается от страны и поэтому прямые аналогии национальной и региональной промышленной политики помогают слабо. Это особенно верно для регионов Арктики, которые обладают двойной спецификой: 1) как *регионы* отличаются от страны в проведении промышленной политики; 2) как *экстремальные и удаленные территории* отличаются и от типового российского региона в реализации мер промышленной политики.

Налицо противоречие: тема региональной промышленной политики в Арктике, с одной стороны, исключительно актуальна; с другой стороны, прямые аналогии от страны и регионов, ввиду существенной специфики Арктики, в ней не работают, а усилия самих специалистов по Арктике ее исследовательски проработать пока абсолютно недостаточные.

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Поэтому мы решили вернуться к анализу региональной промышленной политики в Арктике, которой ранее уже была посвящена статья одного из авторов в 2021 г. [6].

За последние два года, как показывает ежемесячный мониторинг Института регионального консалтинга¹, произошли события, которые еще в большей, чем ранее, степени обуславливают актуальность этой темы для исследовательской проработки.

Во-первых, в силу беспрецедентных санкций против России западных стран проблема технологического суверенитета и производственного импортозамещения приобрела для Арктики императивный характер. Например, в Мурманской и Архангельской областях региональные власти совместно с Минвостокразвития России принимали меры по расширению базы судоремонтной отрасли, в том числе через резидентов создаваемых новых территорий опережающего развития².

Во-вторых, ускоренно и массово развертывалась опорная инфраструктура пятого технологического уклада в Арктике в виде подводных и наземных ВОЛС (панарктические проекты «Полярный экспресс», «Синергия Арктики»³, локальные проекты⁴ «Ростелекома» и МТС, реализуемые по трассе Северного морского пути, в самых удаленных и малонаселенных арктических территориях, например, в арктических районах Якутии и Чукотском автономном округе), призванные обеспечить быстрый Интернет и современные цифровые сервисы в Заполярье.

В-третьих, в рамках реализации новой повестки низкоуглеродной Арктики совместными усилиями региональных властей и ресурсных корпораций в первых пилотных поселениях вводились автономные энергокомплексы альтернативной и гибридной энергетики: например, в якутском Верхоянске ПАО «РусГидро» ввело комплекс, сочетающий солнечную и дизельную генерацию и включающий систему аккумулирования энергии⁵. Компания «Лукойл» по соглашению с правительством Мурманской области ввела две очереди ветропарка⁶ (57 турбин на площади в 257 га).

¹ URL: <https://www.regionalconsulting.org/arkticheskij-byulleten> (дата обращения: 27.07.2023).

² РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220318/arktika-1778797112.html>; DVINANEWS: сетевое издание. URL: <https://dvinanews.ru/news/detail/6490> (дата обращения: 27.07.2023).

³ ComNews: онлайн-газета. URL: <https://www.comnews.ru/content/222568/2022-10-12/2022-w41/yakutiya-98-pokroetsya-svyazu> (дата обращения: 27.07.2023).

⁴ Интерфакс.ру: сетевое издание. URL: <https://www.interfax.ru/digital/857350>; Агентство нефтегазовой

В-четвертых, в опорных арктических центрах уже на новой технологической основе возрождались индустрия местных стройматериалов (например, завод ЖБИ в Северодвинске⁷).

В-пятых, пока очень скромно и ограниченно по масштабам (в отдельных арктических районах) возникали новые структуры производственного сервиса в виде индивидуальных и малых предприятий, нацеленные на обслуживание работающих здесь ресурсных компаний.

В последние два года углубилось и наше понимание региональной промышленной политики в Арктике — как феномена, связанного с эволюцией технологических укладов. Стало очевидным, что для каждого уклада оправданны и эффективны свои специфические инструменты промышленной политики, что ее нужно понимать исторически, а не как неизменную данность. Если в третьем технологическом укладе промышленная политика была направлена на поддержку конвейерных предприятий-гигантов, выпускающих массовую стандартизованную продукцию на эффекте экономии, на масштабе находящихся в составе технологически взаимосвязанных районных ТПК, то в пятом — на поддержку «умной специализации» локализованной кластерной сети крупных и малых фирм-поставщиков с исключительно широкой линейкой выпускаемой продукции.

Радикально изменился и сам объект региональной промышленной политики. Теперь это в большей степени местный малый и средний производственный бизнес, работающий как автономно на внешний и внутренний рынок самой Арктики, так и в партнерской сцепке с местным подразделением крупной ресурсной корпорации. В инфраструктурном плане конструктивны аналогии пятого технологического уклада (базовые отрасли — микроэлектроника, информационные, биотехнологии, освоение новых подводных, шельфовых, космических пространств) с его опорой на оптоволоконные сети, обеспечивающие материальные условия для тотальной цифровизации — как ранее электрификации «лампочкой Ильича» от Мурманска до Анадыря в третьем технологическом укладе (при этом,

информации: офиц. сайт; URL: <https://angi.ru/news/2896503-MTC%20проложила%20подводную%20ВОЛС%20за%20Полярным%20кругом/> (дата обращения 27.07.2023).

⁵ PRO-ARCTIC: сетевое издание. URL: <https://pro-arctic.ru/08/07/2022/news/45749#read> (дата обращения: 27.07.2023).

⁶ ПАО «ЭЛ5-Энегро»: офиц. сайт. URL: <https://www.el5-energo.ru/media/press/2023/12052023/> (дата обращения: 27.07.2023).

⁷ ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15280533> (дата обращения: 27.07.2023).

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

конечно же, радикально изменились инструменты и механизмы, обеспечивающие в Арктике тотальную цифровизацию).

Замысел этой статьи рождался в многочисленных арктических экспедициях последних двух десятилетий, в которых становилось очевидным колоссальное разнообразие российских «арктик» по экономическим и природным условиям. Ситуация, действительно, очень поляризованная. Дополнительным катализатором выступает то обстоятельство, что происходящая сейчас пространственная развертка нового уклада на арктических территориях всегда первоначально приводит к очень сильной и острой неравномерности, которая потом на следующих фазах постепенно смягчается.

Предметом статьи стали факторы, предпосылки реализации промышленной политики в регионах Арктики, а не сами ее меры или инструменты. Объектом исследования являлись арктические территории России по Указу Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в ред. от 13 мая 2019 г.)⁸.

Цель статьи — оценка современных предпосылок для проведения промышленной политики в арктических территориях усилиями местной и региональной власти.

Новизна в постановке исследовательского вопроса потребовала решить методологическую задачу — как оценивать, аналитическую — собственно балльной оценки и прикладную — группирование территорий Арктики по итогам интегральной оценки: 1) отзывчивые к мерам региональной промышленной политики, 2) нейтральные и 3) консервативные к воздействию мерами и инструментами региональной промышленной политики.

Информационной основой работы послужили показатели региональной, муниципальной статистики, нормативные правовые документы по промышленной политике арктических регионов из базы данных «Консультант+», материалы ежемесячных Арктических бюллетеней (Мониторинга социально-экономического развития) Института регионального консалтинга.

Методология и методы исследования

Очевидно, что оценку местных предпосылок к проведению акций промышленной политики следует выполнять, понимая ее саму очень широко и многогранно. К этому призывают концептуальные

статьи классика «новой» промышленной политики Дэни Родрика и его соавторов [7–10], однако они направлены на национальный уровень и стандартные условия хорошо обжитых стран мира, нам же требуется учесть региональную и зональную специфику территорий Арктической зоны РФ.

В данной статье региональную промышленную политику в Арктике мы понимаем как систему мер региональной и муниципальной (в моногородах) власти, направленных на производственный сектор арктической экономики для обеспечения его структурных преобразований в целях развертывания пятого технологического уклада. В этом определении критичны акценты на поощрение производственных новшеств, опору одновременно на местное знание и глобальный пул компетенций, на сцепление объекта промышленной политики с остальной арктической экономикой (не «собор в пустыне»). Для региональной промышленной политики в Арктике приоритетна поддержка новшеств в использовании природных ресурсов и пространств — как самого специфического актива Арктики.

По этим обозначенным обстоятельствам решено было представить местные условия реализации мер региональной и муниципальной промышленной политики как систему, состоящую из нескольких тематических блоков. Помимо исходных обязательных «дескриптивных» блоков, которые описывают сам феномен промышленного сектора арктической территории — размер, объем, пространственное размещение, решено было дать: блок характеристики развертывающегося нового технологического уклада; блок институциональный, который в определенной степени дополняет первый блок характеристики материальных активов промышленности — здесь, наоборот, в большей степени акцент поставлен на качественную сторону (институты, акторы, сети и партнерства); блок ресурсный, в котором дана характеристика природных активов — основополагающих для любой арктической экономики.

Весь алгоритм получения интегральной оценки степени готовности территории к мероприятиям РПП был получен в результате четырехшаговой процедуры. Сначала проводилась количественная, а в тех случаях, когда количественные оценки было трудно получить, — и качественная (экспертная) оценка ситуации по всем девяти арктическим регионам по целевым показателям по каждому блоку. Затем все значения показателей нормировались (трансформировались в баллы — 0, 1, 2). Трехбалльная система оценки показателей была выбрана, исходя из немногочисленности объектов

⁸ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446> (дата обращения: 27.07.2023).

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

анализа и желания обеспечить простоту дифференциации исходной совокупности арктических регионов на три группы.

На следующем этапе балльные оценки по каждому показателю суммировались и определялось среднее арифметическое для каждого региона по каждому блоку оценки.

На заключительном этапе интегральной оценки готовности территории к мерам региональной промышленной политики определялась сумма частных балльных оценок по всем пяти блокам для каждого арктического региона.

Методами исследования стали: сравнительный анализ статистических данных; сравнительный институциональный анализ региональных НПА, посвященных промышленной политике; ретроспективный анализ на глубину периода интенсивного хозяйственного освоения; экспертные оценки, нормирование и преобразование количественных и качественных данных в балльные оценки.

Основные результаты

1. Оценка размера и «веса» промышленного сектора как материальных предпосылок региональной промышленной политики

Исходной базой для нашей оценки «предрасположенности» арктических территорий к осуществлению мер региональной промышленной политики служит количественное измерение самого регионального промышленного сектора в его арктической части и определение его места в региональной экономике в целом, его особенностей в важнейшей добычной составляющей. Для решения этой задачи решено было использовать четыре статистических показателя.

Первый дает оценку *объемов промышленного производства* как суммы четырех видов экономической деятельности: «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений».

Оправданность использования этого индикатора обусловлена тем, что значимость и нагруженность местной промышленной политики напрямую связана с масштабом присутствия промышленного сектора в арктической территории. И даже в случае, когда этот промышленный сектор в основном представлен активами ресурсной корпорации, все равно его можно рассматривать как благоприятную предпосылку развертывания промышленной политики местной власти (при нуле промышленности в регионе

неуместно вообще ставить вопрос о благоприятных предпосылках для какой-либо промышленной политики).

Расчет для Ямало-Ненецкого, Ненецкого, Чукотского автономного округа, Мурманской области как целиком арктических регионов был получен напрямую — из данных региональной статистики, для частично арктических регионов Красноярского края, Архангельской области, республик Коми, Карелия и Саха (Якутия) использовались данные муниципальной статистики по городам и районам, входящим в Арктическую зону по нормативным правовым актам 2020 г. (в том числе для Красноярского края Эвенкийский муниципальный район считался как полностью входящий в Арктическую зону).

В результате расчетов у нас возникло стартовое представление о «весе» промышленности каждой территории внутри Арктической зоны: первые триллионы рублей обеспечивают безоговорочные чемпионы арктической промышленности — Ямало-Ненецкий автономный округ и арктические территории Красноярского края (прежде всего Норильский промышленный район); сотни миллиардов рублей — объем промышленного производства в Мурманской области, Ненецком автономном округе, арктических территориях Республики Коми (прежде всего Воркутинском городском округе); десятки миллиардов рублей составляет объем промышленного производства в Чукотском автономном округе, арктической Архангельской области без Ненецкого автономного округа, арктических территориях Республики Карелия; замыкают список арктические районы Республики Саха (Якутия), в которых объем промышленного производства не превышает первые миллиарды рублей.

Прямой зависимости активности региональной и местной власти от размеров промышленного сектора, естественно, нет, но исходное представление о приоритетности повестки промышленной политики местных властей в конкретном регионе / арктических районах региона все же данный показатель нам дает.

Второй показатель, который мы решили использовать, определяет *долю услуг внутри* важнейшей для Арктики *добычной промышленности*, по объему отгруженной продукции. При всей его неполноте (возможно рассчитать не для всех территорий) и приблизительности оценок — для нас он исключительно важен по следующим соображениям:

1) общеизвестно, что в постиндустриальных национальных и региональных экономиках именно промышленный (производственный) сервис / бизнес-услуги являются наиболее быстро растущим сегментом, а внутри него подсектор KIBS, то есть наукоемкие бизнес-услуги;

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

2) именно в промышленном секторе, как представляется, потенциал региональной промышленной политики особенно ощутим и востребован: чтобы замещать внешние услуги, в том числе импортные, оказываемые российским ресурсным корпорациям, услугами местного малого и среднего бизнеса;

3) наконец, приоритеты поддержки фирм в сфере наукоемких производственных услуг — с точки зрения укладной парадигмы новой промышленной политики — находятся абсолютно в контексте «философии хозяйства» нового пятого технологического уклада.

Здесь лучшие стартовые позиции у Ямало-Ненецкого автономного округа, в котором доля производственных услуг в добычной отрасли максимальная. Могут возникнуть возражения, что эта доля в настоящий момент обеспечивается усилиями самих работающих в округе ресурсных компаний или (по их заказам) «импортными» подрядчиками, или московскими, петербургскими, тюменскими, казанскими, новосибирскими фирмами-исполнителями. Возможностей для местных ямальских фирм здесь пока не просматривается.

Однако именно в том и состоит современный «пафос» региональной промышленной политики, чтобы в партнерстве с ресурсными корпорациями и местной ассоциацией малого бизнеса наращивать долю местных субконтракторов. За рубежом у госкомпаний существуют специальные пятилетние планы по увеличению доли местных фирм в совокупных закупках (в том числе программы подготовки и обучения местных предпринимателей для реализации приоритетов «импортозамещения»), принимаются программы по привлечению не одной, а сети местных фирм при освоении крупного нового ресурсного проекта (целевым образом на него «заточенных»). Несколько отстают от Ямало-Ненецкого Ненецкий автономный округ и арктические территории Республики Коми, в которых также доля производственного сервиса внутри добычного сектора составляет 10+ %.

Существенно ниже эта доля, составляющая первые проценты, в арктическом Красноярском крае, Мурманской области и Чукотском автономном округе. Для всех трех старопромышленных регионов Арктики наращивание доли производственных услуг, оказываемых местными малыми и средними фирмами, есть, таким образом, важный приоритет региональной промышленной политики. За долгую историю хозяйственного освоения в этих территориях накоплен необходимый интеллектуальный человеческий потенциал, созданы материальные активы, которые можно использовать для решения этой задачи.

По арктическим районам Архангельской области, Республики Карелия и Республики Саха (Якутия) у нас не было данных, поэтому достоверно оценить существующие предпосылки для мер промышленной политики не представляется возможным. И если для арктической Карелии и Якутии «обнуление» данного показателя вполне терпимо, потому что мощного потенциала для развертывания структур промышленного сервиса местными фирмами в этих районах пока нет, то для Архангельской области такое «обнуление» опасно искажениями: в регионе уже созданы структуры промышленного сервиса (например, внутри САФУ), которые конструктивно и плодотворно работают по субконтрактингу с арктическими ресурсными компаниями.

Третий показатель — *удельный вес арктических территорий в регионе по объемам промышленного производства* — дает нам представление о подлинных возможностях промышленной политики в конкретной арктической территории. Ведь абсолютно очевидно, что одно дело, когда весь регион входит в Арктическую зону и региональная власть, реализуя промышленную политику, «автоматически» простирает ее на всю Арктику, потому что регион и Арктика — это синонимы, совсем другая ситуация, когда регион частично заходит в Арктическую зону и поэтому меры региональной власти лишь частично «проливаются» на Арктику, а более существенные бюджетные ресурсы и внимание отданы «южным», неарктическим территориям. Нередко в этом случае функции промышленной политики вынужденно принимают власти арктических монопрофильных поселений (де-факто реализуется муниципальная/городская промышленная политика), у которых нет тех ресурсов и возможностей, которые имеют региональные власти.

Полностью арктические три автономных округа (Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский) и Мурманская область в состоянии максимально задействовать весь инструментарий промышленной политики на свои арктические территории. С другой стороны, промышленная политика в арктической части Архангельской области, Красноярского края, Республики Коми, Республики Карелия неизбежно осуществляется по остаточному принципу просто в силу географического фактора расположения этих регионов одновременно в Арктической зоне, то же и в районах Севера, в «южной» умеренной зоне (Красноярский край). В этих регионах доля арктической промышленности составляет от 30 до 60 % общерегиональной, поэтому меры промышленной политики региональной власти неизбежно «расщепляются» между арктическими и неарктическими территориями.

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Конечно, это существенно ослабляет возможности арктических территорий получать поддержку по линии государственной промышленной политики. В связи с чем неизбежно и закономерно, что именно в этих регионах возвышается роль и значение муниципальной промышленной политики (без достаточных ресурсов в руках муниципальной власти для ее эффективной реализации).

Отдельный случай — Республика Саха (Якутия), в которой, с одной стороны, доля арктической промышленности в региональной незначительна, с другой — весь регион является северным и поэтому региональные власти, проводя мероприятия промышленной политики в арктической зоне республики, могут не слишком обособлять ее от промышленной политики в остальных северных территориях, потому что ресурсная природа, климатическая и транспортная экстремальность и северных, и арктических районов с ограниченными сроками завоза грузов во многом сходны, как и проблемы жизнеобеспечения, решаемые мерами региональной промышленной политики. Поэтому наш подход в оценке местных предпосылок для мероприятий промышленной политики не должен быть «механическим»: малые объемы арктического промпроизводства не являются свидетельством того, что приоритеты и ресурсы региональной власти обречены «не дотянуться» до республиканской Арктики. Наоборот, обширные северные территории Якутии подчас еще более экстремальны, чем арктические, и хорошо «учат» местные власти учитывать специфику при проведении мероприятий промышленной политики.

Четвертый показатель — *доля промышленности в валовом региональном продукте* — определяет экономическую значимость региональной промышленной политики: насколько вообще для данного региона приоритетно заниматься мероприятиями промышленной политики? Поскольку показатель ВРП рассчитывается только для субъектов РФ, мы вынуждены были использовать его в целом для регионов, что в случае не целиком арктических регионов неизбежно вызывает искажения. Тем не менее решено было его применить, чтобы «почувствовать» приоритетность мер промышленной политики для региональной власти.

По этому показателю все территории отчетливо обособляются на две группы:

1) все автономные округа, арктический Красноярский край и арктическая Республика Коми, в которых доля промпроизводства в совокупном ВРП приближается к 100 %;

2) Республика Карелия, Саха (Якутия), Мурманская область, Архангельская область (без Ненецкого автономного округа), в которых доля промышленности в ВРП менее 85 %.

В табл. 1 интегрированы данные по четырем показателям первого блока нашей оценки условий реализации мер региональной промышленной политики. Ввиду того, что по каждому показателю исходная совокупность территорий почти всегда «естественным образом» разбивается на три группы, решено было использовать трехбалльную систему оценок (0, 1, 2), среднее арифметическое которых приведено в последней колонке.

Лидерами по благоприятным «объемным» предпосылкам для реализации мер РПП являются Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, арктический Красноярский край, Республика Коми, Мурманская область и Чукотский автономный округ находятся в середине списка, арктическая часть Архангельской области (без НАО), Республики Карелия и Саха (Якутии) его замыкают.

2. Почему пространство значимо для реализации региональной промышленной политики (достоинства/недостатки географической структуры регионального промпроизводства для акций промышленной политики)?

Классики советской экономической географии неоднократно обращали внимание на значительные различия территориальной структуры отраслей промышленности [11]. Действительно, пространственная структура промышленности существенно различается от региона к региону Арктической зоны. И она существенно менялась в 1990-е годы радикальной рыночной реформы, когда в русле грядущего перехода от третьего и четвертого к пятому технологическому укладу осуществлялась беспрецедентная «прополка» монопрофильных поселений, перевод некоторых ресурсных промыслов со стационарного на вахтовый режим работы, когда постоянные промысловые поселения становились не нужными.

Но это означает, что и меры региональной политики должны быть настроены на эти особенности и учитывать их полноценно в мероприятиях. В этом состоит еще одно существенное отличие национальной и региональной промышленной политики: для первой — сложившейся системой расселения, ее конкретным рисунком на карте и в реальном пространстве страны можно пренебречь, для второй — территориальная структура расселения имеет принципиальный характер.

Невозможно оторвать меры региональной промышленной политики от их пространственного адресата — конкретных промышленных поселений Арктики, не учитывать генезис и эволюцию производственного расселения, сводя промышленную политику только до отраслевых приоритетов (что часто делается). В органичной связи пространства

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

в виде территориальной структуры промышленного «расселения» и промышленной политики состоит одно из отличий ее для арктических территорий и центральных районов страны, в которых пространство в силу его лучшей инфраструктурной обустроенности и большей насыщенности

производственными объектами играет сравнительно меньшую роль, а промышленная политика региональной власти может быть более унифицированной, чем в рассредоточенных арктических пространствах очагового хозяйственного освоения.

Таблица 1

Объем и вес промышленного сектора в арктических территориях России, 2019 г.

Арктическая территория	Объем промышленного производства, млрд руб.	Удельный вес услуг в добыче полезных ископаемых (по объему отгруженной продукции), %	Удельный вес арктических территорий в регионе по объемам промышленного производства	Доля промышленности региона в ВРП, %	Интегральная балльная оценка (среднее арифметическое частных оценок)
1. Ямало-Ненецкий автономный округ	3108,9 (2)*	20,0 (2)	100 (2)	100 (2)	2,00
2. Красноярский край (арктические районы)	1511,0 (2)	4,4 (1)	59,1 (1)	94,7 (2)	1,50
3. Мурманская область	533,4 (1)	4,4 (1)	100 (2)	72,3 (1)	1,25
4. Ненецкий автономный округ (НАО)	365,5 (1)	14,1 (2)	100 (2)	100 (2)	1,75
5. Республика Коми (арктические районы)	244,7 (1)	12,7 (2)	36,2 (1)	97 (2)	1,50
6. Чукотский автономный округ	92,1 (0)	5,4 (1)	100 (2)	99,6 (2)	1,25
7. Архангельская обл. (арктические районы, без НАО)	84,4 (0)	Нет данных (0)	55,4 (1)	59 (1)	0,50
8. Республика Карелия (арктические районы)	76,0 (0)	Нет данных (0)	30,8 (1)	83,9 (1)	0,50
9. Республика Саха (Якутия) (арктические районы)	4,6 (0)	Нет данных (0)	0,5 (1)	84,2 (1)	0,50

Источник: разработка авторов статьи.

* Здесь и далее в табл. 2–5 в скобках приводится экспертная оценка в баллах.

Но возникает вопрос: а какая именно территориальная структура является оптимальной с точки зрения реализации мероприятий РПП в Арктике?

Идеальным случаем следует признать размещение всей региональной промышленности целиком в одном крупном (столичном) городе, так что трансакционные издержки взаимодействия власти (иначе говоря, издержки коммуникации) с объектами промышленной политики сведены до нуля. Понятно, что реальность арктических регионов абсолютно далека от такого «идеала», однако он позволяет оценить степень благоприятности

конкретной региональной ситуации для реализации мероприятий промышленной политики. Так, можно считать, что когда промышленность в основном сконцентрирована в городах, то эта ситуация лучше для мер региональной политики, чем когда она рассеяна по районным промыслам. А этот подход позволяет уже подбирать показатели для оценки пространственных предпосылок к реализации региональной промышленной политики в арктических территориях.

Показатель доли населения моногорода в населении региона предлагается использовать для оценки

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

степени удаленности реальной ситуации от идеала РПП. Такой взгляд несколько парадоксален, потому что обычно монопрофильные города воспринимаются как проблемные для региональной экономики, требующие значительных усилий для их реструктуризации от третьего-четвертого к пятому технологическому укладу [12–14].

И это действительно так. Однако с точки зрения легкости реализации мер РПП моногородá, безусловно, предпочтительнее случая абсолютно рассеянных на территории или акватории производственных активов, узнавание проблем и узких мест которых сопряжено со значительными командировочными затратами (не говоря об управленческих воздействиях).

Чемпионом концентрации по этому показателю является Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярская Арктика (за счет Норильска), за ними следуют Республика Коми, Архангельская и Мурманская области. Список замыкает Республика Карелия, Саха (Якутия), Ненецкий и Чукотский автономные округа, имеющие пространственно дисперсный промышленный сектор.

Второй показатель продолжает линию на «городское» шэфство арктической промышленности в лице промышленной политики местной власти: *это наличие/отсутствие крупных городских агломераций на территории региона*. Здесь принципиально, что мы рассматриваем не отдельно арктические территории, но и регион, в котором они находятся (то есть в целом). По умолчанию при этом мы полагаем, что крупные наукоемкие интеллектуальные региональные центры, богатые фирмами производственного сервиса, могут быть эффективным объектом мероприятий промышленной политики региональной власти, которая содействует контракции южных наукоемких фирм и северных ресурсных корпораций, работающих на добычных активах Арктики. Очевидно, что внутри арктических территорий есть три типа ситуаций:

1. Самая благоприятная — наличие в регионе крупной интеллектуальной городской агломерации (Красноярский край, Мурманская область, и Архангельская область (без Ненецкого автономного округа), республики Коми, Карелия и Саха (Якутия)).

2. Ситуация менее благополучная, когда в арктических территориях есть относительно небольшой центр (центры) слабого интеллектуального влияния на местный промышленный сектор (Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа).

3. Наименее благоприятная, когда ни один региональный центр не может выполнить функцию интеллектуальной поддержки, например, Чукотский автономный округ.

Третий показатель получен нами ранее расчетным образом на основе данных муниципальной статистики по городским округам и муниципальным

районам Арктики: *доля промышленного производства в муниципальных районах* (то есть на ресурсных промыслах «в поле»). Арктическая промышленность в целом преимущественно районная [6]. Эту предпосылку следует признать неблагоприятной для реализации мер региональной промышленной политики, однако внутри Арктической зоны существуют значительные пространственные вариации в значении этого показателя. Самой благоприятной ситуацией «городской» промышленности является Мурманская область, Республика Коми, Архангельская область (без НАО), относительно благоприятна ситуация в Норильском промрайоне и Чукотском автономном округе, наименее благоприятна ситуация дисперсной районной промышленности в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, арктических территориях республик Карелия и Саха (Якутия).

Четвертый показатель характеризует наличие в регионе абсолютно особого случая для промышленной политики — *района (районов) с ограниченными сроками завоза грузов*. Дело в том, что на этих труднодоступных территориях всякая акция государственной политики, в том числе промышленной, обретает социальное измерение. Поэтому меняется весь контекст промышленной политики, которая из отраслевой здесь становится жизнеобеспечивающей, гарантирующей энергетическую, продовольственную, транспортную безопасность проживающих здесь людей. Именно здесь промышленная политика обретает исключительно широкую трактовку.

Императивы обеспечения здесь устойчиво гарантированной автономности жизни пронизывают все мероприятия промышленной политики: поддержка замещения завоза дорогого котельного топлива собственным производством на месте; создание новых промышленных комплексов по утилизации и обезвреживанию промышленных отходов; организация местного производства строительных материалов; создание производств возобновляемой энергетики и др.

Интересно и то, что вся философия нового пятого технологического уклада как раз и нацелена на то, чтобы такую автономность обеспечивать и поддерживать. Поэтому именно районы с ограниченными сроками завоза грузов в ближайшие годы ждут подлинно революционные изменения в связи с приходом новых технологий, как раз нацеленных культивировать автономные, децентрализованные, «распределенные» технические решения, отвечающие духу и букве пятого технологического уклада.

Но как оценить наличие/отсутствие в арктическом регионе районов с ограниченными сроками завоза грузов в качестве условия для реализации мер региональной промышленной политики? Здесь есть

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

двойственность. С одной стороны, отдаленность, как было ранее отмечено, усложняет условия проводки денежных средств для поддержки, усиленная сезонность этих районов удорожает строительство, здесь труднее оперативно реагировать на новые возможности и проблемы в связи с реализацией проектов и мер местной промышленной политики. С другой стороны, эти же самые условия открывают окошко возможности поддерживать создание суперсовременных автономных производственных платформ, жизнеобеспечивающих комплексов, альтернативных решений на транспорте и в энергетике (то есть новаторство в мерах промышленной политики здесь супервостребовано и не натывается на те «блокировки», которыми изобилуют более транспортно освоенные районы Арктики).

Именно поэтому мы решили решить эту двойственность компромиссным образом: там, где весь регион относится к районам с ограниченными сроками завоза грузов, признаем, что издержки удаленности преобладают над потенциальными выгодами новаторства (0 баллов) — Ненецкий

и Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия). Другая полярная ситуация, где вообще фактически отсутствуют такие районы, то есть все поселения находятся на круглогодичной наземной транспортной сети, — Мурманская область и Республика Карелия — 2 балла. Компромиссный случай, когда частично арктическая территория относится к районам с ограниченными сроками завоза грузов, частично нет — Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Коми, арктическая Архангельская область.

Наиболее благоприятны пространственные предпосылки для мер региональной промышленной политики в Мурманской, Архангельской областях (арктические районы, без Ненецкого автономного округа) и арктических районах Республики Коми. Средние позиции — в красноярской Арктике, Ямало-Ненецком автономном округе и арктических районах Республики Карелия. Замыкающие позиции закономерно у Ненецкого и Чукотского автономных округов и арктических районов Якутии — как самых труднодоступных.

Таблица 2

Оценка пространства для реализации мер региональной промышленной политики

Арктическая территория	Доля жителей моногородов в населении региона*, %	Есть ли крупные городские агломерации в регионе	Доля промышленного производства в муниципальных районах Арктики (2019 г.), %	Нет районов с ограниченными сроками завоза грузов в Арктике	Интегральная балльная оценка (среднее арифметическое частных оценок)
1. Ямало-Ненецкий автономный округ	54 (2)	(1)	96,5 (0)	(1)	1,00
2. Красноярский край (Арктика в том числе Эвенкия вся)	14 (внутри Арктики — до 80 %) (2)	(2)	45,3 (1)	(0)	1,25
3. Мурманская область	21 (1)	(2)	11,5 (2)	(2)	1,75
4. Ненецкий автономный округ (НАО)	0 (0)	(1)	82,4 (0)	(0)	0,25
5. Республика Коми	28 (1)	(2)	0,1 (2)	(1)	1,50
6. Чукотский автономный округ	8? (0)	(0)	68,1 (1)	(0)	0,25
7. Архангельская обл. (арктические районы без НАО)	25 (1)	(2)	6,4 (2)	(1)	1,50
8. Республика Карелия	14 (0)	(2)	90,5 (0)	(2)	1,00
9. Республика Саха (Якутия)	16 (0)	(2)	100 (0)	(0)	0,50

Источник: разработка авторов статьи.

* Pandia.ru: интернет-издание. URL: <https://pandia.ru/text/77/358/71568.php> (дата обращения: 27.07.2023)

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Именно поэтому мы решили нейтрализовать эту двойственность компромиссным образом: там, где весь регион относится к районам с ограниченными сроками завоза грузов, признаем, что издержки удаленности преобладают над потенциальными выгодами новаторства (0 баллов) — Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия). Другая полярная ситуация, где вообще фактически отсутствуют такие районы, то есть все поселения находятся на круглогодичной наземной транспортной сети, — Мурманская область и Республика Карелия — 2 балла. Компромиссный случай, когда частично арктическая территория относится к районам с ограниченными сроками завоза грузов, частично нет — Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Коми, арктическая Архангельская область.

Наиболее благоприятны пространственные предпосылки для мер РПП в Мурманской, Архангельской областях (арктические районы, без НАО) и арктических районах Республики Коми, средние позиции — в красноярской Арктике, Ямало-Ненецком автономном округе и арктических районах Республики Карелия, замыкающие позиции закономерно у Ненецкого и Чукотского автономных округов и арктических районов Якутии — как самых труднодоступных.

3. Степень готовности региона Арктики к новому технологическому укладу

Мы понимаем региональную промышленную политику в Арктике исторически, что означает ее современную нацеленность ускорять становление и развитие в этих пространствах технологий пятого уклада, замещать ими стремительно устаревающие старые активы третьего и четвертого «Кондратьева»⁹. Такая трактовка означает, что важно оценить «дружественность» условий к приходу новых технологий, к мерам промышленной политики по их «насаждению». А эти условия по регионам внутри Арктической зоны резко неравномерны — и отсюда возникают разные задачи для промышленной политики в разных участках российской Арктики.

Самый простой путь — это оценка уже возникшего нового, исходя из логики, что если слом традиций произошел, то дальше идти уже легче, чем впервые пробивать «лед» недоверия к новшествам. Так определился наш подход оценивать восприимчивость к мерам промполитики, которые нацелены

на утверждение нового уклада, — упрощенно, по уже состоявшимся первым «победам» в этом направлении.

Первый показатель здесь (табл. 3) — это *степень развернутости опорной инфраструктуры пятого технологического уклада — волоконно-оптических линий связи (ВОЛС)*. Подобно тому как для третьего «Кондратьева» опорной инфраструктурой выступали линии электропередач, так теперь в пятом Кондратьеве — ВОЛС (для самых труднодоступных малонаселенных территорий Арктики сохраняет значение дорогая спутниковая интернет-связь). Новостные бюллетени Института регионального консалтинга позволяют мониторить прогресс в этом направлении среди арктических территорий. Действует базовая закономерность: чем восточнее, чем дальше от национальных центров, тем как бы и медленнее идет прокладка кабельных каналов широкополосной интернет-связи. Поэтому арктические районы Якутии, Чукотский автономный округ являются закономерными аутсайдерами в этом процессе. До недавнего времени таковым был и весь Таймыр и Норильский промышленный район, теперь благодаря усилиям «Норильского никеля» из Нового Уренгоя он получил ВОЛС-канал скоростной интернет-связи. Таким образом, даже не имея количественных данных, можно качественно сравнительно оценить масштаб проникновения ВОЛС-каналов от европейской в азиатскую Арктику в регионах, дифференцируя их на три группы:

- 1) более продвинутые — Мурманская, Архангельская области, Республика Коми и Ямало-Ненецкий автономный округ;
- 2) менее продвинутые — Таймыр, Эвенкия и Норильский промрайон (красноярская Арктика), Ненецкий автономный округ, арктическая Карелия;
- 3) отставшие — арктическая Якутия и Чукотский автономный округ.

Второй показатель — это *наличие/отсутствие созданных новых отраслей промышленности* (в том числе местной), которые имеют отношение к пятому технологическому укладу и существуют минимум пять-десять лет на территории. Процесс вызревания новой региональной специализации в Арктике первоначально, как правило, в добычной отрасли — очень трудный и медленный. Практика показывает, что в большинстве районов Арктики лишь в последнее десятилетие ситуация сдвинулась с мертвой точки: до этого имела место поверхностная модернизация старых еще советских предприятий в виде закупок импортной техники, ремонта подъездных путей и др.

добычной отрасли, районы с ограниченными сроками завоза), здесь же вводится временная координата — через смену технологических укладов.

⁹ Ранее в подразделе 2 была введена пространственная координата для оценки условий реализации мер промышленной политики в арктических территориях (урбанистическая структура, территориальная структура

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Многие арктические регионы России длительное время инерционно сохраняли унаследованную еще с советских времен (с третьего Кондратьева) индустриальную специализацию. Это означает, что на меры региональной промышленной политики ложится особая нагрузка — как раз и стать катализатором быстрой назревшей технологической трансформации.

На основании данных бюллетеня ежемесячного мониторинга социально-экономического развития Арктики все территории можно разбить на три группы:

1) самые продвинутые, в которых реально появилась новая отрасль / новый вид экономической деятельности, которая уже существует 5–10 лет: Ненецкий автономный округ (нефтегазовое освоение гринфилд), Ямало-Ненецкий автономный округ (СПГ-заводы гринфилд), Чукотский автономный округ (золоторудные месторождения гринфилд), Красноярская Арктика (нефтегазовое и углепромышленное освоение гринфилд на Таймыре);

2) новая отрасль специализации в виде недавно / только что запускаемых добычных и обрабатывающих производств: Мурманская и Архангельская области (без Ненецкого автономного округа);

3) территории, в которых за последние 30 лет фактически не вызрела новая отрасль региональной специализации: арктическая часть республик Коми, Карелии и Якутии.

Третий показатель — наличие в регионе высокостепенных (то есть предельно новаторских по логистике, технологии, организации работ) уже реализуемых гринфилд-проектов (список приведен в статье [15]). Здесь отчетливо обособляются три группы территорий:

1) с предельно новаторскими уже запущенными проектами новой эпохи — Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Красноярская Арктика (Восток ойл и др.), Чукотский автономный округ (Майское, Купол и др.);

2) относительно новаторские, только что запускаемые или на стадии строительства проекты в Мурманской и Архангельской областях, Республике Саха (Якутия);

3) обсуждаемые, но пока нереализованные новаторские проекты в арктических районах республик Коми и Карелия.

Таблица 3

Оценка степени готовности регионов Арктики к новому технологическому укладу

Арктическая территория	Развитость ВОЛС-интернет-связи	Наличие/отсутствие новых отраслей промышленности	Наличие/отсутствие новаторских гринфилд-добычных проектов	Интегральная балльная оценка (среднее арифметическое частных оценок)
1. Ямало-Ненецкий автономный округ	2	2	2	2,00
2. Красноярский край (Арктика, в т. ч. Эвенкия вся)	1	2	2	1,67
3. Мурманская обл.	2	1	1	1,33
4. Ненецкий автономный округ (НАО)	1	2	2	1,67
5. Республика Коми	2	0	0	0,67
6. Чукотский автономный округ	0	2	2	1,33
7. Архангельская обл. без НАО	2	1	1	1,33
8. Республика Карелия	1	0	0	0,33
9. Республика Саха (Якутия)	0	0	1	0,33

Источник: разработка авторов статьи.

Итоговая оценка по совокупности трех показателей (табл. 3) выводит в группу наиболее подготовленных

к пятому технологическому укладу и потому наиболее восприимчивых к инновационным приоритетам

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

региональной промышленной политики Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярскую Арктику и Ненецкий автономный округ. В группу «средних» по интегральной оценке регионов попадает Мурманская и Архангельская (без НАО) области и Чукотский автономный округ. Замыкают список арктические территории Карелии и Якутии, в которых предпосылок к новому технологическому укладу, по сути, еще не вышло и инерционно сохраняется наследие индустриальной эры. Следовательно, именно здесь и необходимы самые решительные меры региональной и, возможно, федеральной власти, чтобы динамизировать переход местной и корпоративной промышленности к новому технологическому укладу.

4. Институциональные (нематериальные) предпосылки региональной промышленной политики

Первый блок показателей посвящен оценке «физических» (материальных) предпосылок для реализации мер РПП. Дополняя его, четвертый блок включает показатели для оценки нематериальных (то есть институциональных) факторов региональной промышленной политики. Следуя логике, предложенной нашими зарубежными коллегами для характеристики региональной инновационной системы («акторы — сети — институты») [16], мы решили включить в данный подраздел показатель качества институтов региональной промышленной политики, оценку «толщины» слоя местных акторов промышленной политики и оценку складывающихся в конкретных арктических территориях партнерских сетей внутри промышленного сектора.

Качество многочисленных институтов РПП оценивать сложно, если погружаться во все тонкости исторически складывающихся формальных и неформальных норм и правил по поводу промышленной деятельности на территории, ее взаимоотношений с местными сообществами, в том числе с коренными малочисленными народами Севера. Поэтому мы вынужденно упрощаем наш подход и *оцениваем только базовый региональный закон по промышленной политике*, который есть у всех арктических регионов, кроме Чукотского автономного округа, по сугубо формальным параметрам числа страниц и статей (базируемся на результаты ранее проведенного нами исследования в статье [6]).

Признавая ограничения такого подхода, тем не менее заметим, что утверждаемое нами широкое понимание промышленной политики в Арктике как единства поддержки производственной, жизнеобеспечивающей, а иногда и градостроительной деятельности, как правило, присутствует в развернутых региональных законах, в которых число и страниц, и статей

максимальное. С другой стороны, предельно зауженное и формальное понимание промышленной политики как поддержки сверхограниченного спектра видов производственной деятельности (к примеру, местной пищевой промышленности) присутствует в сверхлаконичных законах с минимальным числом страниц и статей.

В результате достаточно определенно обособляются три группы арктических территорий: во-первых, Ямало-Ненецкий автономный округ и Якутия, в которых региональный закон наиболее продвинутой. Для Якутии сделаем ремарку, что речь идет о региональном законе, который касается всех северных и арктических территорий республики, поэтому можно сказать, что его действие «на Арктику» ослаблено по сравнению с целиком арктическим Ямало-Ненецким автономным округом, в котором региональный закон определяет виды и регламент мер промышленной политики для всех районов автономного округа. Во вторую группу регионов с не слишком амбициозным базовым законом о промышленной политике вошли Красноярский край, Мурманская область, Республика Коми, Архангельская область (без Ненецкого автономного округа). Наконец, в третьей группе находятся регионы, власти которых, кажется, не вполне понимают современный потенциал и вызовы региональной промышленной политики с точки зрения ускорения прихода нового технологического уклада, производственных и институциональных инноваций на территорию: Республика Карелия, Ненецкий и Чукотский автономные округа (в последнем вообще нет такого закона).

Второй показатель *определяет сравнительную «толщину» слоя местных акторов и степень их вовлеченности в мероприятия промышленной политики*: сколько их? Насколько они разнообразны? Насколько мотивированы на укрепление производственного сектора на территории? Эта оценка проведена экспертно — на основании наших экспедиционных обследований арктических территорий последних лет и данных ежемесячного бюллетеня по социально-экономическому развитию арктических территорий.

В каждом регионе можно выделить три группы акторов промышленной политики: внутренние; внешние (привлекаемые и не привлекаемые, но вовлеченные в акции); меры региональной промышленной политики. Первая группа акторов — это те юридические и физические лица, поведение которых регламентируется региональными и муниципальными нормативными правовыми актами, на экономическое поведение которых региональная и местная власть имеют непосредственное влияние. Это субъекты государственного и муниципального управления, структуры малого и среднего, также индивидуального предпринимательства, научное и образовательное

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

сообщество, некоммерческие организации. Понятно, что в более крупных и многочисленных арктических регионах ожидаемо число таких акторов будет больше, однако и между ними тоже есть существенные отличия.

Например, Мурманская и Архангельская (без НАО) области, которые имеют сопоставимую численность населения. Однако рискнем сказать, что степень вовлеченности местных научно-образовательных структур в мероприятия региональной промышленной политики в Архангельской области выше, чем в Ненецком автономном округе: САФУ за последнее десятилетие стал реальным участником областной промышленной политики, создает у себя университетскую промышленность, в то время как в структурах Кольского научного центра РАН сохраняется традиционный барьер между научными разработками и их прикладным, производственным внедрением в структуры мурманской промышленности.

Вторая группа акторов промышленной политики — это внешние привлекаемые, на которые местная и региональная власть имеет лишь косвенное влияние (например, создавая благоприятные условия для привлечения в регион в качестве инвесторов). В арктических территориях это, прежде всего, ресурсные корпорации: помимо добычной деятельности, они также реализуют собственную промышленную политику на территории.

Формы корпоративного присутствия в арктических территориях многообразны. Есть районы, в которых крупных ресурсных компаний вовсе нет (например, арктические территории Якутии и Карелии). С другой стороны, есть районы, в которых корпоративное присутствие монополизировано одной-двумя крупными корпорациями (например, Чукотский автономный округ, Архангельская область, Республика Коми). На остальных арктических территориях — Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Красноярская Арктика, Мурманская область — одновременно присутствует несколько крупных ресурсных компаний.

К третьей группе акторов относятся федеральные органы исполнительной власти (в том числе их региональные представители), которые, с одной стороны, могут выступать в роли сподвижников или оппонентов инициативам региональной власти в области промышленной политики, с другой — быть проводниками мероприятий и акций промышленной политики федерального центра (обычно в районах пионерного освоения с гринфилд-проектами, которые нуждаются в обширной федеральной поддержке и «опеке»).

Экспертно будем определять «толщину» слоя акторов региональной промышленной политики в первую очередь по местному своеобразие, которое проявляется прежде всего в первой и второй группах (а состав акторов третьей группы примем для простоты

сопоставимым во всех рассматриваемых арктических территориях). Но возникает вопрос: а почему чем больше акторов, тем лучше условия для региональной промышленной политики?

Мы исходим из того, что монополизм власти или немногочисленность участников выработки и реализации мер региональной промышленной политики всегда приводит к субъективным смещениям в ее целях, задачах, приоритетах. Остро необходима «коррекция» целеполагающих установок: куда идти? На что делать ставку? Какие формы поддержки выбирать? Кого привлекать в партнеры? — всеми местными участниками производственной деятельности, чтобы у них были и право, и возможность соучаствовать с властью в выработке норм, правил, мер промышленной политики. Поэтому чем больше участников и громче их голос в выработке и реализации промышленной политики, тем лучше. То есть мы считаем, что большее число акторов неизбежно означает и большую вовлеченность субъектов экономической деятельности в мероприятия промышленной политики.

При таком допущении имеем три группы территорий:

1) предельно многоакторные, со значительной вовлеченностью субъектов местной экономики в меры и мероприятия промышленной политики — самая благоприятная ситуация (Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярская Арктика, Архангельская область (без Ненецкого автономного округа));

2) средние позиции у Мурманской области, Ненецкого и Чукотского автономных округов, Коми-Арктики;

3) замыкающие позиции по числу акторов промышленной политики в карельской и якутской Арктике.

Здесь может возникнуть вопрос: но ведь в Республике Карелия множество субъектов малого бизнеса работает в лесозаготовках и переработке, почему же предельно ограниченным считается число акторов промышленной политики? Имеет значение не просто число участников производственной деятельности, а их реальная вовлеченность в разработку и реализацию мер промышленной политики. Малый «лесной» карельский бизнес очень редко выступает соучастником власти в этих вопросах.

Третий показатель оценивает *эффективность партнерств региональной власти с другими участниками региональной промышленной политики*. В промышленной политике значение имеет не только количество акторов, реально вовлеченных в процессы ее формирования и реализации в регионе, но и бесконфликтность, «гладкость» тех взаимодействий, которые местная власть выстраивает с другими участниками, прежде всего с федеральными органами исполнительной власти и корпоративными структурами, но также и со структурами местного малого бизнеса.

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Региональная власть, реализуя на территории мероприятия промышленной политики, неизбежно вступает с ними в сложные взаимодействия.

Цели этих взаимодействий — использование потенциала корпоративных, федеральных и других игроков, чтобы, с одной стороны, содействовать инновационной трансформации промышленного сектора экономики в давно освоенных территориях, с другой — стимулировать создание новых местных видов производственной деятельности как взаимодействующих с корпоративным сектором, так и относительно от него автономных — во имя ускоренного перехода на новый технологический уклад в регионе. Например, План мер по реализации Стратегии социально-экономического развития Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района до 2030 года¹⁰ предусматривает многочисленные пункты такого партнерства: «взаимодействие с инвестором проекта и его дочерними организациями по вопросу строительства на территории муниципального района угольного терминала» и т. д.

Как реально протекают эти взаимодействия? Насколько органично региональная власть увязывает интересы территории и корпоративных структур, федерального центра в проведении акций промышленной политики? Эти феномены оценить очень сложно. Но можно высказать предварительные соображения.

1. Простой обратной зависимости не существует: неверно, что чем больше в регионе сильных ресурсных корпораций, тем меньше возможности и объем полномочий региональной власти в реализации мер собственной промышленной политики.

2. «Чрезмерная» наступательная активность и самостоятельность региональной власти в проведении собственной промышленной политики, которая ущемляет или наступает на (не учитывает) интересы крупных, работающих в регионе, компаний, грозит ей смещением на следующих выборах или даже досрочно.

3. Тип и качество (например, степень свежести или истощенности) природных ресурсов и запасов, выраженные в стоимостных оценках, определяют сравнительную силу работающей в регионе компании. При прочих равных условиях, нефтегазовые «сильнее» угле-, золотодобывающих компаний, золоторудные ТНК мощнее золотороссыпных компаний, угледобывающие

корпорации сильнее лесопромышленных компаний и т. д.

4. Имеет значение и пространственное распределение «корпоративных» природных ресурсов: например, при их географически «распределенном» характере власть может блокироваться с работниками добычных промыслов, чтобы пролоббировать нужные решения в области промышленной политики. В случае концентрированной, точечной дислокации природных активов это сделать сложнее¹¹.

5. Чем сильнее компания, тем харизматичнее и защищеннее в федеральных кругах должен быть региональный лидер, чтобы с ней взаимодействовать на равных в совместном проведении акций региональной промышленной политики. Другой неблагоприятный вариант — слабая промышленная политика региональной власти при силе работающей в регионе ресурсной компании (компаний).

6. При прочих равных условиях ситуация, когда в регионе Арктики работает несколько ресурсных компаний, лучше, чем когда присутствует одна монополия. Потому что, это, с одной стороны, это позволяет власти быть равноудаленной от всех, с другой — расширяет возможности ее конструктивного торга при установлении государственно-корпоративных партнерств для реализации проектов региональной промышленной политики.

7. С точки зрения взаимодействия региональной власти и компаний, которое имеет фундаментальное значение для определения общей эффективности партнерств региональной власти с другими субъектами промышленной политики на территории (поскольку является ее центральным элементом), различаются четыре основных ситуации:

а) на территории нет корпоративных проектов и структур — следовательно, нет и объекта взаимодействия. Эта ситуация характерна для многих бывших монопрофильных поселений и районов, в которых за годы радикальных реформ умерло градообразующее лесо-, агро-, рыбо- или горнопромышленное предприятие. Здесь вопрос региональной промышленной политики — по сути, определение дальнейшей судьбы этого поселения: сохранять текущее существование на грани простого жизнеобеспечения или искать новые виды производственной и сервисной товарности;

¹⁰ См.: Постановление Администрации Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края от 28.05.2019 № 547. URL: https://taimyr24.ru/left_menu/finance_and_economics/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya-munitsipalnogo-rayona/plan-meropriyatiy-po-realizatsii-strategii-ser-do-2030-goda/ (дата обращения: 10.07.2023).

¹¹ Этим, например, различаются ситуации угольной Воркуты с распределенными природными активами

и нефтегазового Ненецкого автономного округа, с точечной дислокацией природных активов. «Социальная укорененность» угля выше, чем нефтегазовых активов. Власти Воркуты могли длительное время заниматься промышленной политикой в версии социального патернализма, а власти НАО обречены были устанавливать четко очерченные договорные отношения с компаниями по вопросам КСО, локальным проблемам социально-экономического развития местных сообществ.

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

б) четкое обособление власти и корпоративного бизнеса — самая распространенная в регионах и городах российской Арктики ситуация. Отсутствие партнерства между властью и крупным бизнесом в среднесрочной перспективе оказывается не таким безобидным и угрожает скатыванием в «голландскую болезнь» гипертрофированного развития одной высокорентабельной ресурсной отрасли, которая замещает собой все остальные;

в) драматичное столкновение интересов региональной власти и корпоративного бизнеса — является разрушительным для реализации целей региональной промышленной политики. В последние 30 лет именно эта ситуация была характерна для некоторых районов российской Арктики и надолго тормозила технологически продвинутое промышленное развитие территорий;

г) активное взаимодействие региональной власти и компаний в интересах динамичного развития и развертывания новых производственных проектов — наблюдается достаточно редко, однако именно здесь максимально актуализируется позитивный потенциал промышленной политики в деле ускоренного перехода к новому технологическому укладу.

После этих предварительных соображений приходим к выводу о том, что строительство эффективных партнерств власти и бизнеса на территории сродни искусству, где очень многое зависит от личности первого руководителя региона / монопрофильного муниципального образования. Но раз так, значит, наши представления о современных руководителях арктических территорий, их авторитете и амбициях в проведении промышленной политики, которые мы получили, изучая новостные сводки и массив нормативных правовых актов по региональной промышленной политике, помогает выйти на сравнительные оценки (табл. 4).

Лучшие оценки получили руководители Мурманской, Архангельской областей и Чукотского автономного округа, средние оценки по активности в области промышленной политики — руководители арктических муниципалитетов Республики Карелия, Ямало-Ненецкого автономного округа, муниципальных образований Красноярской Арктики, минимальные — руководство Ненецкого автономного округа (промполитика в основном отдана работающим в регионах компаниям), арктических муниципалитетов республик Коми и Саха (Якутия).

Таблица 4

Оценка институциональных условий для реализации региональной промышленной политики

Арктическая территория	Базовый региональный закон о промышленной политике, число стр./ст.	«Толщина» слоя местных акторов промышленной политики и степень их вовлеченности в мероприятия РПП	Успешность партнерства региональной/местной власти, ресурсных компаний и федеральной власти	Интегральная балльная оценка (среднее арифметическое частных оценок)
1. Ямало-Ненецкий автономный округ	14/24 (2)	(2)	(1)	1,67
2. Красноярский край (Арктика, в т. ч. Эвенкия вся)	7/14 (1)	(2)	(1)	1,33
3. Мурманская обл.	7/12 (1)	(1)	(2)	1,33
4. Ненецкий автономный округ (НАО)	4/8 (0)	(1)	(0)	0,33
5. Республика Коми	8/9 (1)	(1)	(0)	0,67
6. Чукотский автономный округ	– (0)	(1)	(2)	1,00
7. Архангельская обл. без НАО	9/14 (1)	(2)	(2)	1,67
8. Республика Карелия	4/5 (0)	(0)	(1)	0,33
9. Республика Саха (Якутия)	8/17 (2)	(0)	(0)	0,67

Источник: разработка авторов статьи.

Эти оценки — самые подвижные из всех в нашем рейтинге условий для мероприятий промышленной

политики, имеют сверхкраткосрочный характер, то есть актуальны именно по состоянию на 2023 г., исходят

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

из текущих усилий арктических губернаторов в проведении активной промышленной политики. (И уже через полгода могут радикально измениться.)

Лучшие по совокупности факторов институциональные предпосылки к промышленной политике, активирующей приход нового технологического уклада на территорию, в Ямало-Ненецком автономном округе и Архангельской области (без НАО), средние — в Мурманской области, Чукотском автономном округе и Красноярской Арктике, замыкающие — в якутской, коми-Арктике и самые неблагоприятные — в Ненецком автономном округе и карельской Арктике.

5. Природно-ресурсная основа региональной промышленной политики в Арктике

Промышленная политика в Арктике фундаментально отличается от других регионов тем, что она всегда — по поводу ее природных ресурсов, даже в тех случаях,

когда, казалось бы, непосредственно вопросы их добычи не затрагивает. Но весь ритм арктической производственной и социальной жизни связан с ресурсами. И поэтому мероприятия и проекты региональной промышленной политики тоже, естественно, не-нейтральны к конкретным природно-ресурсным условиям «подшефной» территории.

Из всех многочисленных свойств природных активов, которые имеют значение для арктической экономики, целесообразно «поднять» для оценки условий развертывания мер промышленной политики три (табл. 5): степень рентабельности основного ресурса территории; тип пространственного распределения ключевого природного ресурса — ареальный (распределенный), или точечный; степень истощения ключевого ресурса за годы хозяйственного освоения.

Таблица 5

Оценка природно-ресурсных условий для реализации мер региональной промышленной политики

Арктическая территория	Степень высокой рентабельности ключевого ресурса как «отрицательная» величина	Тип эксплуатируемого природного ресурса: точечный или распределенный?	Степень неистощенности природно-ресурсной базы	Интегральная балльная оценка (среднее арифметическое частных оценок)
1. Ямало-Ненецкий автономный округ	(1)	(1)	(2)	1,33
2. Красноярский край (Арктика, в т. ч. Эвенкия вся)	(2)	(1)	(2)	1,67
3. Мурманская обл.	(2)	(1)	(0)	1,00
4. Ненецкий автономный округ (НАО)	(1)	(1)	(1)	1,00
5. Республика Коми	(0)	(2)	(0)	0,67
6. Чукотский автономный округ	(2)	(1)	(2)	1,67
7. Архангельская обл. без НАО	(2)	(2)	(0)	1,33
8. Республика Карелия	(0)	(2)	(1)	1,00
9. Республика Саха (Якутия)	(2)	(1)	(1)	1,33

Источник: разработка авторов статьи.

Степень рентабельности ключевого ресурса определяет его привлекательность для внешних инвесторов, для ресурсных российских компаний и иностранных. Топливо-энергетические ресурсы нефти и газа относятся к числу самых рентабельных в Арктике, но они же формируют сильные политико-экономические искажения, нередко перемещают центры политической силы от местной власти к компаниям. Поэтому с точки зрения условий

для региональной промышленной политики, парадоксальным образом они, скорее, тормоз, чем благоприятный фактор. Значительно лучше наличие богатых, но не суперрентабельных минерально-сырьевых ресурсов, которые, с одной стороны, формируют значительный, но не беспрецедентный, поток денежного дохода, с другой стороны, побуждают компании искать союза с региональной властью в существенно большей степени, чем

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

это характерно для нефтегазовых гигантов (которые своей мощью просто перешибают ресурсы любой региональной власти).

Таким образом, лучшая ситуация для региональной промышленной политики складывается в экспортно-ориентированных регионах развитого минерально-сырьевого комплекса: Чукотском автономном округе, Норильском промрайоне, Мурманской и Архангельской (без Ненецкого автономного округа) областях, арктической Якутии. Ситуация в регионах развитого топливно-энергетического комплекса двойственная, потому что суперрентабельность ключевого ресурса может сработать как на плюс, так и на минус при проведении акций региональной промышленной политики — Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа. Для коми- и карельской Арктики характерна ситуация с относительно скромными по рентабельности ресурсами коксующегося и энергетического угля, железных руд и лесных ресурсов. Они замыкают список регионов.

Тип эксплуатируемого природного ресурса: точечный (концентрированный) или распределенный (ареальный)? Социальный характер природных ресурсов облегчает включение их в «оборот» региональной промышленной политики. Им проще стать базой для местной промышленности, включиться в формируемые местными малыми предпринимателями и властью цепочки добавленной стоимости на территории. Но социальные природные ресурсы (или те, которые способны обрести эту жизнеобеспечивающую функцию) — это, как правило, ареальные, распределенные лесные, рыбные, ресурсы россыпного золота и т. д. Кроме того, высоколокализованные природные ресурсы обеспечивают эффекты на масштабе крупного корпоративного производства. Но они же и более отчуждены от места, местных сообществ. Местной власти труднее вовлекать их в использование ввиду высокой капиталоемкости ресурсного промысла.

Получается четкая дихотомия: большие ресурсы глобального значения, которые труднее воплотить в меры региональной промышленной политики; малые ресурсы потенциально социального, жизнеобеспечивающего значения, которые естественным образом легко могут стать ресурсом региональной промышленной политики (коми-Арктика с углем, Архангельская область с лесными ресурсами, карельская Арктика с лесными ресурсами и ресурсами щебеночного/строительного камня).

Степень неистощенности природно-ресурсной базы. Здесь возникает противоречие: с одной стороны, свежие молодые активы нового освоения хороши для всех: они привлекательны для ресурсных корпораций, формируют тонус территории нового

освоения и дают шанс на активную политику местной власти (который не обязательно реализуется); с другой стороны, сила пришедших сюда компаний несопоставимо велика по сравнению с полномочиями местной власти, а современные мобильные и вахтовые схемы освоения дают местным властям мало возможностей «зацепиться» своей промышленной политикой. Поэтому получается, что ресурсные «фонтаны» слишком соблазнительны для внешних игроков, чтобы у территории их присутствия могло получиться сразу что-то свое. Значительно лучше более умеренная ситуация схлынувшей первой волны, когда возникает потребность в целенаправленном долгосрочном развитии местной ресурсной базы, ее инновационной оснастке, в том числе мерами промышленной политики. А ситуация сильнейшего истощения опять плоха, потому что чревата потерей перспектив ресурсной территории. С эффектами ресурсного истощения прежде всего сталкиваются региональные власти старопромышленных регионов и городов: частные и государственные корпорации нередко просто покидают эти территории, теряют к ним интерес. И вот задача региональной промышленной политики состоит в том, чтобы найти дальнейшие резервы производственного развития для этих территорий и городов.

В результате получается, что мы имеем здесь три группы регионов, которые в значительной степени формируются возрастом хозяйственного освоения:

1) «среднего возраста», около 40–50 лет, или большего, но с новыми ресурсными открытиями последнего времени, которые привели к омоложению ресурсных провинций: Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, красноярская Арктика;

2) относительно молодые или еще потенциальные для ресурсного освоения: Ненецкий автономный округ, карельская и якутская Арктика;

3) отчетливо старопромышленные, имеющие значительные эффекты истощения природных ресурсов: Мурманская и Архангельская (без Ненецкого автономного округа) области, Республика Коми.

В результате по совокупности трех признаков мы имеем три группы регионов: с лучшими природно-ресурсными условиями для реализации мер региональной промышленной политики — красноярская Арктика и Чукотский автономный округ; со средними предпосылками — Ямало-Ненецкий автономный округ, Архангельская область и якутская Арктика; замыкающие позиции — коми-Арктика, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, карельская Арктика.

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

6. Интегральная оценка готовности арктических территорий к мерам региональной промышленной политики

По нашей методике балльной оценки итоговая оценка является суммой частных оценок по каждому из пяти блоков (которые, в свою очередь, получены как среднее арифметическое из нормированных значений 3–4 целевых индикаторов): «объемному», пространственному, укладному, институциональному и природно-ресурсному. Мы полагаем при этом, что основные «сущности», влияющие на степень готовности арктической территории к мероприятиям региональной промышленной политики, в прямом или косвенном виде в наших блоках оценки учтены.

В результате достаточно отчетливо (и неожиданно для нас, что до такой степени рельефности) обособляются четыре группы арктических территорий (табл. 6):

1. Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярская Арктика (в составе Норильского промрайона, Таймыра, Эвенкии и Туруханского района) как самые благоприятные для реализации мер РПП. Именно эти географически соседствующие друг с другом территории станут в ближайшие десятилетия местом локализации основной доли новых арктических проектов. Очевидно, что под новые «полюса» ресурсного роста должны активно подтягиваться и мероприятия промышленной политики региональной и муниципальной власти.

2. Мурманская область и арктические территории Архангельской области, которые являются географическими соседями через Белое море, как относительно благоприятные (прежде всего за счет накопленного опыта и компетенций за десятилетия хозяйственного освоения) для реализации мер РПП. Значительное сходство советской индустриальной истории сочетается здесь с различиями в толщине «промыслового» (доиндустриального) слоя освоения, который в Архангельской области существенно больше (поморские традиции рыбного промысла и мореплавания и др.), чем в Мурманской.

3. Ненецкий и Чукотский автономные округа и арктические территории Республики Коми как пока не слишком благоприятные места для реализации мероприятий РПП.

4. Ненецкий и Чукотский автономные округа «проваливаются» в рейтинге прежде всего по пространственному блоку, Ненецкий еще и по институтам, а Коми-Арктика — по развитости элементов нового технологического уклада и природно-ресурсного блока. Любопытно, что здесь снова, как и в первых двух группах, с одной стороны, мы имеем дело с географически соседними арктическими территориями Ненецкого автономного округа и арктических муниципальных образований

Республики Коми, с другой — в одну группу попадают два автономных округа, многочисленным сходствам которых были посвящены несколько исследований [17 и др.].

5. Арктические территории Республики Саха (Якутия) и Республики Карелия замыкают наш рейтинг как пока самые неблагоприятные по условиям к мерам РПП. Это является прямым следствием прежде всего «физической» недоосвоенности данных территорий, что обусловлено отсутствием мощных и перспективных проектов ресурсного освоения, трудностями со становлением элементов нового технологического уклада, а в Республике Карелия — еще и с дефицитом благоприятных для мер РПП местных институтов. Несмотря на географическую удаленность друг от друга, эти территории имеют «организационную общность»: они обе «частичны» в том смысле, что регион «заходит» в Арктику лишь отдельными муниципальными образованиями. Здесь в сочетании с общей промышленной неразвитостью это тоже может быть исходным препятствием для развертывания мер РПП. Тем большая ответственность в этой группе ложится на региональные власти, которые должны, вопреки исходным стартовым неблагоприятным условиям, переломить мерами РПП ситуацию в интересах динамичного производственного развития.

Дискуссия и заключение

После завершения процедуры оценки подготовленности арктических регионов к реализации мер РПП целесообразно провести «оценку оценки», то есть уже с учетом полученных результатов определить степень надежности и ограничения нашего методологического подхода, взвесить его сильные и слабые стороны.

Несомненно, сильной стороной нашего подхода является его комплексность, которая эффективно отвечает на «вызов» системности самого феномена промышленного развития и региональной промышленной политики, не сводимой только к производственным сущностям. Рискнем сказать, что широта учета количественных и качественных факторов — условий промышленной политики в данной работе выходит за рамки сложившихся исследовательских традиций. Например, никогда не учитывалась роль моногородов как позитивного фактора реализации мер РПП (моногорода привычно рассматривались в качестве трудного случая государственной политики). Обычно к анализу не привлекалась оценка нормативной правовой базы региона в области промышленной политики. Никогда качество и дислокация природных активов не фигурировали в качестве условий реализации мер местной промышленной политики.

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Таблица 6

Интегральная оценка готовности арктических территорий к мерам РПП

Арктическая территория	Блок 1. Количественный размер и «вес» промышленного сектора	Блок 2. Пространственные предпосылки к реализации мер РПП	Блок 3. Готовность территории к новому технологическому укладу	Блок 4. Институциональные (нематериальные) предпосылки	Блок 5. Ресурсная основа РПП	Интегральная балльная оценка
1. Ямало-Ненецкий автономный округ	2,00	1,00	2,00	1,67	1,33	8,00
2. Красноярский край (арктические районы)	1,50	1,25	1,67	1,33	1,67	7,42
3. Мурманская обл.	1,25	1,75	1,33	1,33	1,00	6,66
4. Ненецкий автономный округ (НАО)	1,75	0,25	1,67	0,33	1,00	5,00
5. Республика Коми (арктические районы)	1,50	1,50	0,67	0,67	0,67	5,01
6. Чукотский автономный округ	1,25	0,25	1,33	1,00	1,67	5,50
7. Архангельская обл. (арктические районы, без НАО)	0,50	1,50	1,33	1,67	1,33	6,33
8. Республика Карелия (арктические районы)	0,50	1,00	0,33	0,33	1,00	3,16
9. Республика Саха (Якутия) (арктические районы)	0,50	0,50	0,33	0,67	1,33	3,33

Источник: разработка авторов статьи.

Оценены пространственные (через систему расселения и наличие районов с ограниченными сроками завоза грузов), временные (через распространение пятого технологического уклада), ресурсные (через природно-ресурсные и «материальные» факторы) условия развертывания мер региональной промышленной политики. Стремление обеспечить предельно возможную полноту факторов РПП было обеспечено диалектикой учета одновременно количественных и качественных признаков. Дополнительным подтверждением широты охвата используемых в оценке показателей является то, что исходные объемные текстовые рабочие материалы по промышленной политике в арктических территориях были практически без существенных потерь упакованы в пятиблочную схему оценки РПП.

Качество полученных результатов оценки может быть оценено по степени их контринтуитивности. Ее следует признать средней. С одной стороны, первая, третья и четвертая выделенные группы близко соответствуют месту регионов по объемам промышленного производства (если первый блок определяет итоговую интегральную оценку, перешибая влияние всех остальных, — зачем тогда

было огород городить?), с другой стороны, во второй группе существенно поднимается в итоговом рейтинге Архангельская область — по сравнению с ее скромными позициями по объемам промышленного производства. Интересно и то, как «кластеризуются» в одной группе географически близко расположенные арктические территории соседних регионов: Ямало-Ненецкий автономный округ и красноярская Арктика, Ненецкий автономный округ и коми-Арктика, Мурманская и Архангельская области. Можно выдвинуть гипотезу о том, что существуют многочисленные, осуществляемые по разным каналам коммуникации, пространственные экстерналии, которые выравнивают стартовые условия для реализации мер региональной промышленной политики в некоторых соседних арктических регионах.

К недостаткам выработанной методики следует отнести: ее чрезмерно качественный характер, слишком большую опору на экспертные показатели (вынужденные ввиду отсутствия количественных оценок); широко известные и много раз упомянутые ограничения примененной балльной оценки; наличие внутренних противоречий в самой процедуре оценки. Например, в блоке «пространство» фактор компактности

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

расселения и производственной деятельности оценивается как позитивный для РПП, а потом в природно-ресурсном блоке — как негативный: с точки зрения объема полномочий региональной власти лучше, наоборот, оказывается дисперсность (ареальность) размещения природных ресурсов. Но, во-первых, речь идет не о совсем синонимичных феноменах: расселение — это стационарный результат размещения промышленной деятельности в пространстве, а дислокация природных ресурсов — это лишь предпосылка для последующего создания производственной сети населенных мест, которая может быть стационарной, вахтовой, дисперсной

или концентрированной — исходя из «нравов» конкретной хозяйственной эпохи освоения Арктики. Во-вторых, многие привлеченные к оценке показатели действительно имеют двойственную природу и в зависимости от аспекта рассмотрения, конкретной обстановки могут быть признаны как положительными, так и отрицательными условиями для развертывания мер РПП.

Мы абсолютно не рассматриваем предложенную методику оценки как окончательную и совершенную, и сами убеждены в необходимости ее дальнейшего совершенствования и накопления для этого необходимых количественных и качественных данных.

Список источников

1. Селин В. С. Современные инновационные тенденции в промышленном комплексе Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 1 (48). С. 47–54.
2. Цукерман В. А. Концептуальные основы инновационного промышленного развития Севера и Арктики // Север и рынок: Формирование экономического порядка. 2012. № 3. С. 139–143.
3. Низамутдинов И. К. Региональная промышленная политика: особенности формирования и реализации: 08.00.05: дис. канд. экон. наук / Приволж. федер. ун-т. Казань, 2012. 194 с.
4. Татаркин А. И., Романова О. А. Современные инструменты новой индустриализации промышленных регионов // Экономист. 2013. № 8. С. 21–38.
5. Романова О. А., Стариков Е. Н. Изменение вектора промышленной политики и возможности инновационного развития индустриальных регионов // Экономика региона. 2015. № 3. С. 322–333.
6. Пилясов А. Н. Региональная промышленная политика в арктических территориях: какая она есть и какой ей быть? // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. Т. 24, № 3. С. 7–30.
7. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century // Centre for Economic Policy Research. CEPR Discussion Paper. 4767. London, 2004. 38 p.
8. Rodrik D. Industrial policy: don't ask why, ask how // Middle East Development Journal. Demo issue. 2008. P. 1–29.
9. Rodrik D. The Return of Industrial Policy. Project Syndicate. 2010. April 12. URL: http://www.project-syndicate.org/commentary/the_return-of-industrial-policy (accessed 10.07.2023).
10. Rodrik D. Green Industrial policy. Princeton, 2013. 33 p.
11. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 303 с.
12. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: УРСС, 2015. 216 с.
13. Моногорода. Перегрузка. Поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях. М.: Базовый элемент, 2014. 53 с.
14. Развитие монопрофильных населенных пунктов в Российской Федерации: сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Турков. М.: Финансовый университет, 2012. 100 с.
15. Пилясов А. Н. Смелость хозяйственных решений и современное освоение российской Арктики // Арктика и Север. 2020. № 40. doi:10.37482/issn2221-2698.2020.40.82.
16. Asheim B. T., Isaksen A., Trippl M. Advanced Introduction to Regional Innovation Systems. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. 146 p.
17. Гальцева Н. В., Атаманова Е. А. Экономика арктических островов: случай Ненецкого и Чукотского автономных округов // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 114–125.

References

1. Selin V. S. Sovremennyye innovatsionnyye tendentsii v promyshlennom komplekse Severa [Modern innovative trends in the industrial complex of the North]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [North and the market: the formation of the economic order], 2016, no. 1 (48), pp. 47–54. (In Russ.).
2. Tsukerman V. A. Kontseptual'nyye osnovy innovatsionnogo promyshlennogo razvitiya Severa i Arktiki [Conceptual foundations of innovative industrial development of the North and the Arctic]. *Sever i rynek: Formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [North and the market: the formation of the economic order], 2012, no. 3, pp. 139–143. (In Russ.).

ЭКОНОМИКА СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

3. Nizamutdinov I. K. *Regional'naya promyshlennaya politika: osobennosti formirovaniya i realizatsii* Diss. kand. ekon. nauk. [Regional industrial policy: features of formation and implementation. PhD (Economics) diss.]. Kazan', 2012, 194 p.
4. Tatarkin A. I., Romanova O. A. *Sovremennyye instrumenty novoy industrializatsii promyshlennykh regionov* [Modern tools for the new industrialization of industrial regions]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no. 8, pp. 21–38. (In Russ.).
5. Romanova O. A., Starikov Ye. N. *Izmeneniye vektora promyshlennoy politiki i vozmozhnosti innovatsionnogo razvitiya industrial'nykh regionov* [Changing the vector of industrial policy and the possibility of innovative development of industrial regions]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 2015, no. 3, pp. 322–333. (In Russ.).
6. Pilyasov A. N. *Regional'naya promyshlennaya politika v arkticheskikh territoriyakh: kakaya ona yest' i kakoy yey byt'?* [Regional industrial policy in the Arctic territories: what is it and what should it be?], Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [The North and the market: the formation of an economic order], 2021, vol. 24, no. 3, pp. 7–30. (In Russ.).
7. Rodrik D. *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Paper 4767. London, 2004, 38 p.
8. Rodrik D. *Industrial policy: don't ask why, ask how*. Middle East Development Journal. Demo issue. 2008, pp. 1–29.
9. Rodrik D. *The Return of Industrial Policy*. Project Syndicate. 2010, April 12. Available at: http://www.project-syndicate.org/commentary/the_return-of-industrial-policy (accessed 10.07.2023).
10. Rodrik D. *Green Industrial policy*. Princeton, 2013, 33 p.
11. Mayergoyz I. M. *Territorial'naya struktura khozyaystva* [Territorial structure of the economy]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 303 p.
12. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. *Innovatsionnyy poisk v monopofil'nykh gorodakh. Blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i plan deystviy* [Innovative search in single-industry cities. Development locks, new industrial policy and action plan]. Moscow, URSS, 2015, 216 p.
13. *Monogoroda. Perezagruzka. Poisk novykh modeley funktsionirovaniya monogorodov Rossii v izmenivshikhsya ekonomicheskikh usloviyakh* [Monotowns. Reboot. Search for new models of functioning of single-industry towns in Russia in the changed economic conditions]. Moscow, Bazovyy element, 2014, 53 p.
14. *Razvitiye monopofil'nykh naseleennykh punktov v Rossiyskoy Federatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Development of single-industry settlements in the Russian Federation: a collection of scientific papers]. Moscow, Finansovyy universitet, 2012, 100 p.
15. Pilyasov A. N. *Smelost' khozyaystvennykh resheniy i sovremennoye osvoyeniye rossiyskoy Arktiki* [Courage in economic decisions and modern development of the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, doi:10.37482/issn2221-2698.2020.40.82. (In Russ.).
16. Asheim B. T., Isaksen A., Trippl M. *Advanced Introduction to Regional Innovation Systems*. Cheltenham. Edward Elgar, 2019, 146 p.
17. Gal'tseva N. V., Atamanova Ye. A. *Ekonomika arkticheskikh ostrovov: sluchay Nenetskogo i Chukotskogo avtonomnykh okrugov* [Economics of the Arctic Islands: the case of the Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs]. *Ekonomika regiona* [Economics of the Region], 2017, vol. 13, no. 1, pp. 114–125. (In Russ.).

Об авторах

А. Н. Пилясов – докт. геогр. наук, главный научный сотрудник, профессор географического факультета

В. А. Цукерман — канд. техн. наук, ведущий научный сотрудник

About the authors

A. N. Pilyasov — Dr. Sc. (Geography), Chief Researcher, Professor in the Faculty of Geography

V. A. Tsukerman — PhD (Engineering), Lead Researcher

Статья поступила в редакцию 30 июля 2023 года.

Статья принята к публикации 1 августа 2023 года.

The article was submitted on July 30, 2023.

Accepted for publication on August 1, 2023.